

Шрам от немецкого сапога

У детей войны разные судьбы, но объединяет их невосполнимая потеря прекрасного мира детства. Горькое сиротство, разрушенные дома, германское рабство, бесправное голодное существование на оккупированной территории... Исследовательская работа «Дети концлагеря и тыла» десятиклассницы школы № 68 Полины Щегловой была признана одной из лучших на региональном конкурсе «Дорогие мои земляки». Полина рассказала о своей прабабушке Галине Трофимовне Иощенко (Киргетовой) и Иване Ивановиче Кирсанове – близком друге семьи учителя истории Ирины Михайловны Никулиной, помогавшей ей готовить доклад.

Галина Киргетова с родителями и младшими сестрами. 1951 г.

Иван Кирсанов с семьей. 1964 г.

■ Анастасия СОЛОВЬЕВА

Сжигали все на своем пути

Галина Трофимовна родилась в 1938 году в деревне Киргеты Смоленской области. Когда в деревню пришли немцы, ее семью, оставшуюся без крова, поселили в один маленький домик вместе с другими семьями. Так и ютились они три года. А во время боев за Днепр и вовсе уходили в лес и жили в землянках.

Мужчин, особенно тех, кто сильнее, отправляли на запад. Такая же участь была уготована и отцу Галины, но Трофим Степанович сумел сбежать. Спрыгнул с состава, побежал в сторону леса, а когда начали стрелять, нырнул в спасительный пруд. Долго сидел там, периодически высовывая голову. Когда состав ушел, тайком вернулся в деревню. Воевал в партизанском отряде.

Когда после Сталинградской битвы немцы начали отступать, они сжигали все на своем пути. Деревня Киргеты стояла вдоль большака – большой дороги, немцы подожгли и ее. Уцелели лишь дома, что располагались ближе к Днепру, в том числе и тот домик, в котором вместе с другими жила семья Галины Трофимовны.

В сентябре 1945-го Галина пошла в школу. Ходить приходилось за 6 километров, да еще учились во вторую смену. Дома мама отогревала детей на печке, одежда была плохая. В ноябре 45-го вернулся домой отец, который в 1943-м после освобождения оккупированной территории был призван в армию. Он воевал на Ленинградском фронте, выжил. И хоть после войны было нелегко, Трофим Степано-

вич всегда говорил детям: «Как бы ни было трудно, надо учиться». И они учились. Брат Виктор стал партийным работником, Галина работала заведующей библиотекой, потом поступила в институт, вышла замуж за военного. Жизнь сложилась удачно, но тяжелые военные годы, на которые пришлось ее детство, Галина Трофимовна не может вспомнить без слез.

Ребенок партизана!

Куда более трагично сложилась судьба Ивана Ивановича Кирсанова. Родился он в самом начале войны, 1 августа 1941 года, в оккупированном Смоленске. Отец с первых дней воевал на фронте, мать осталась с тремя сыновьями, Иван – младший. Ефросинья Ивановна работала прачкой у немцев, тайком в бельевой корзине носила маленького Ваню и в перерывах кормила грудью. В один из дней немецкий офицер заметил в корзине малыша. С криком «ребенок партизана!» достал из кобуры пистолет. Вот-вот должен был грохнуть выстрел, но тут в комнату вбежали братья и закричали: «Это наш маленький брат». Это и спасло Ване в первый раз жизнь. Немецкие офицеры жили в соседней комнате и подкармливали детей то хлебом, то консервами.

В 1942 году немцы стали покидать оккупированные территории. Местные жители, кто покрепче да поздоровее, подлежали отправке в Германию. Семья Кирсановых тоже была выбрана: здоровая мать, крепыши-детки... В городе Пиллау людей стали грузить на баржи и отправлять в Балтийское море. Первые баржи, на одной из которых была и семья Кирсановых, благополучно доплыли до берега. Остальные были затоплены.

Движение к смерти

О четырех долгих годах в концлагере Иван Иванович всегда отзывался только как о «движении к смерти» без надежды. Жили в больших общих бараках. Ефросинья Ивановна работала прачкой у немцев и коменданта концлагеря, что и спасло и ее, и детей. Она подкармливала сынишек едой, которую тайком приносила со стола.

Поначалу к пленным, по ее воспоминаниям, относились сносно, но как только началось наступление Красной Армии, все изменилось. Детей, женщин, мужчин каждый день отбирали и уводили в неизвестном направлении, больше их никогда не видели. Скорее всего, их либо расстреливали, либо травили в газовых камерах. Крематория на территории не было, но были бараки с медперсоналом, лаборатории.

Каждый день уводили в медбараки и братьев Кирсановых, для каких-то целей брали кровь, мальчики, даже повзрослев, всю жизнь боялись уколов. У каждого из них был на левой руке десятизначный номер, свои номера они выжгли позднее.

Однажды барак посетил офицер немецкой армии СС. Он шел уверенной походкой вдоль помещения, когда двухлетний Ваня выполз из-под нар прямо под ноги. Офицер, не задумываясь, ударил малыша в лоб сапогом. Подошва сапога разодрала половину лба до мяса и потекла кровь... Шрам от сапога над правой бровью у Ивана Кирсанова остался на всю жизнь, хоть

И.И. Кирсанов. 1970 г.

того, самого страшного момента он и не запомнил, о случившемся ему рассказал старший брат. Уже много позже Иван Иванович узнал, что всю Вторую мировую войну немецкие солдаты прошли в маршевых сапогах «Marschstiefel». Шились сапоги из качественной коровьей кожи, а двойная подошва была укреплена 30 – 35 гвоздями.

Тропанцы из гнилого крахмала

Весной 1945-го Красная армия освободила узников концлагеря, но в родной Смоленск семья Кирсановых попала только летом. Разрушенный город, в котором ничего не осталось. Вернулся с войны отец, и Кирсановы уехали в город Южнов Калужской области. 1946 – 1947 годы были самыми тяжелыми и голодными.

– Есть было нечего, ходили за 3 километра в поля по весне к деревне Барановке, собирали гнилую картошку, из которой мама пекла в печи лепешки – тропанцы: мука, гнилой крахмал и немного соли. По возвращении домой, бывало, встретишь председателя, так он отбирал ведро, высыпал собранную картошку и втаптывал в землю. Домой идешь с пустом, – вспоминал Иван Иванович.

В 9 лет он с отцом поступил на работу валить лес. В 14 в первый раз сел за руль полторки и возил песок на строительство взлетной полосы аэропорта. Учиться в школе не было времени, закончил только 6 классов. А в 1959 году после шоферских курсов уехал работать в Свердловскую область, город Богданович. В 1960-м был призван в армию на три года. По злой иронии судьбы – в Германию, на остров Китц, в/ч 11609. Это недалеко от места, где находился концлагерь.

Еще в армии в командировке в Минске Иван познакомился с будущей женой. Дальше были Калининская область – родина жены, Рыбинск, где Иван Иванович работал на военном секретном заводе, Переславль-Залесский. Из-за жилья в 1982 году вынуждены были переехать в село Шурск. Там как раз началась стройка нового совхоза, которому требовались специалисты. Вырастили детей. Иван Иванович дождался и правнуков. 27 июня этого года Иван Кирсанов умер от остановки сердца. ■

«Однажды барак посетил офицер немецкой армии СС. Он шел уверенной походкой вдоль помещения, когда двухлетний Ваня выполз из-под нар прямо под ноги. Офицер, не задумываясь, ударил малыша в лоб сапогом. Подошва сапога разодрала половину лба до мяса и потекла кровь...»

В память о маленьких блокадниках

■ Анна СВЕТЛОВА

В годы Великой Отечественной войны в Ярославле и области нашли пристанище многие из тех, кому посчастливилось вырваться из блокадного Ленинграда. С декабря 1941 года по март 1944-го в наш город было эвакуировано более 600 тысяч человек, в том числе 132 тысячи детей.

Детей-блокадников определяли в Тверицкий детский дом, который располагался на Волжской, ныне Тверицкой, набережной, а в 55-й школе (сегодня 46-я) летом 1942 года находился детский санаторий-сад. В здании 50-й школы два летних сезона, 1942 и 1943 годов, располагался эвакуационный госпиталь для блокадников.

К сожалению, добраться живыми до Ярославля смогли далеко не все блокадники. Тела умерших выгружали на станции Филино. Это печальное событие врезалось в память тверицких ребятишек. Они видели, как погибших детей снимали с поездов, грузили на подводы с наращенными бортами и увозили на местное Тверицкое кладбище, где с декабря 1941 года блокадников хоронили в братских могилах. А затем – и просто в траншеях, вырытых в разных концах кладбища. Без гробов и «церемоний» тела складывали в большие общие могилы. На месте братской могилы, где, по приблизительным подсчетам, похоронено около 50 тысяч человек, в 1998 году было решено установить памятник.

Мемориал детям блокадного Ленинграда возвели на пожертвования жителей, а инициатором его создания стала преподаватель и краевед Вера Викторовна Кузнецова. В течение пяти лет краеведы 46-й школы вели поисковую работу. Опрашивая очевидцев, они нашли места массового захоронения детей, умерших после эвакуации из Ленинграда. Средства собирали всем миром.

Из десятков детских эскизов и макетов выбрали один: ангел с гирляндой цветов, оплакивающий всех невинно погибших. Тут же табличка со словами:

«Здесь покоятся дети блокадного Ленинграда, похороненные в декабре 1942 года. Имена неизвестны, но люди помнят о них, безвинных жертвах войны. Мемориал возведен на пожертвования ярославцев».

Этот мемориал стал, может быть, одним из самых значимых в Ярославле среди тех, что установлены в память о Великой Отечественной войне. Спустя много лет здесь по-прежнему собираются люди. Чтобы положить цветы. Вспомнить. И помолиться о погибших детях. ■